Автор: admin
16.06.2014 14:29 -

Прошлое, Глава 8

Есть места и события, содержащие в себе тайну. Ландшафты их открываются неожиданно, будто мы не сами к ним идем, а они движутся навстречу. События поворотные порой незначительны, проходят мимо как простые впечатления. И когда мы переживаем потрясающие нас страсти, они не есть то, что изменяет нашу жизнь - это скорее выстрел, его грохот, - на спусковую скобу нажимают незаметно.
И только через твою жизнь окружающий мир обретает для тебя законченность, ты сам придаешь ему смысл.
Бежит за бортом спящей шкуны, где только вахта и впередсмотрящий не пьяны, вольная охотоморская волна Татарского пролива, напевая свою независимую песню. Капитан и команда, имеющая судовой пай, удачно погуляли в Пластуне, - удалось погрузить на борт контрабандное золото, добытое китайцами, официально по бумагам заготовляющих морскую капусту – рубль за фунт.
Бакунин на юте стоит, опершись на трубу машины. Широколицая физиономия с огромными, чуть навыкат, глазами, расставленными широко и оттененными длинными густыми ресницами, - глаза оленя, - белки в тонкой паутине кровеносных сосудов, глаза светло-голубые, но не водянистые; кожа красная, лицо крупное, мясистое; голова сидит на крепкой шее, толстой, так что ворот рубахи всегда расстегнут. Он непозволительно пьяный. Седые космы выбились из-под картуза, соразмерного большой голове, линялая от дождей, солнца и ветра одежда - явно с чужого плеча. В этом, неопределенного возраста, человеке столько устойчивого благодушия.
Мишель сделал не совсем твердый шаг навстречу китайцу Вану, который вместо чая, вынес с камбуза вина, и отхлебывает из пиалы горячий пунш. Китаец прекрасно говорит на английском, по-американски. Судовой контракт он подписывал в Сан-Франциско. Ван-Юшан - инсургент, избежавший казни и попавший в Америку после подавления французами и англичанами восстания тайпинов в Шанхае. Ван тоже пьян, но этого не заметно на его бесстрастном азиатском лице, только желваки на скулах шевелятся, когда он вспоминает Америку. Мишелю приятно разговаривать с ним о прошлом, - о ярости боя на восставших улицах городов. Алкоголь иногда помогает избавиться от отчаяния поражения, представляя реальность легким фарсом на действительность.
После того, как Бакунин вернулся со встречи в Хакодате с российским консулом на «Викерс», отказавшись от берега, капитан шкуны понял, что он – не простой пассажир. Без слов снова принял его на борт, и ранним утром, когда над простором Великого Океана заблистала планета Люцифера, «Викерс» с Бакуниным прошел в пролив Цугару мимо русской эскадры Попова, настороженно спящей в заливе. На Хоккайдо в этот, 1861 год, подавили крестьянское восстание. Восставшим и побежденным власти отрубили головы после того, как они увидели смерть своих близких: стариков отцов и матерей, женщин и детей. Офицеры русской эскадры со сдержанным негодованием и любопытством наблюдали за процедурой массовой казни - такой работы мечами они

никогда раньше не видели.
Архангел Михаил на шпиле Петропавловской крепости, что может быть забавнее. Там где Алексеевский раввелин, мрачная тюрьма, где за долгие годы заточения потерял он от цинги зубы, где вешали друзей Пушкина и Мицкевича. Поразительна судьба, пришлось же встретиться со своим прямухинским прошлым, в Нерчинске, где согревающие друг друга в фаланстере - стучат живые сердца ссыльных декабристов. Помню детство в Прямухине, отец в ужасе сжигал документы «Северного общества» в камине усадьбы и ждал жандармов и ареста как соавтор «Конституции» декабристов. Прочитав мою «Исповедь», написанную в узилище крепости, Николай Палкин посоветовал своему наследнику Александру - «никогда не выпускать из крепости нераскаявшегося грешника», - передал мне со своих слов вездесущий Долгорукий, - и оставил на восемь лет в холоде забытья и ледяного покоя.
Нет, не Петропавловский архангел меня охраняет. Сомневаюсь, что мироносный Михаил на шпиле тюрьмы согреет снега Сибири и растопит мировой лед неволи, - на земле очень мало согреющего огня, и слишком много истуканов, что охраняют покой ледяного деспото-державия. Надо бы подтопить чуток ледок.
Славянофильская эклектика «уваровской триады» – самодержавие, православие, народность - это подушка для мертвой царевны, на которую царские иезуиты предлагают прилечь. Меня не обманешь, я не умру, я принадлежу другому ангелу, я инсургент последней, грядущей вселенской войны между добром и злом. И этот ангел придет с мечом, а не с миром.
Разве можем мы, слабые и никчемные, своим намерением изменить бытие, прошлое? А не есть ли прошлое - только иллюзия, меняющая свой облик в зависимости от прихотливого, неопределенного и загадочного настоящего? Воля человека - это то, из чего происходит осознанное действие, предполагаю, что это этическая составляющая сознания, а она не принадлежит миру. Что хотел – всегда исполняется, а то, как хотел – никогда, и надо с мужеством принять это.
Действительность - ее внутреннее стремление и характер проявляются так, как человек видит себя и дает ей свое имя, - но и сам человек принадлежит ей. Действительность обладает одним неизменным качеством – она несминаемая, в отличие впечатления человека о ней. Она – равноценна духу. Действительность сама по себе не нуждается в имени. Имя ее - есть только название, иллюзия общественного согласия о свойствах действительности.
Реальность будет дана нам во всех ее возможных переживаниях лишь после того, как мы удосужимся истребить жадных посредников между артериальным пульсом реальности и нами. Иначе говоря, становишься человеком, богоподобным Адамом, только если исключаешь возможность любой власти над собой, кроме собственного свободного голоса.
Прошлое больше ставит вопросов, - оно мертво, и не отвечает за настоящее. Прошлое это бред, вечный ужас человечества, повторяющийся из поколения в поколение - он ничему не учит. Память прошлого заставляет переживать все заново, ставит вопросы, вопросы..., на которые на самом деле нельзя ответить, потому что их НЕТ! Прошлое, из сочного и процветающего сейчас, делает бесформенный навоз для будущего, не нашего процветания.
Событие в прошлом выглядит – возможным, а в настоящем - проявляется, как вновь возникшее. А это и есть вера в счастливый случай, удачу, - в случайность событий. Мы

так хотим верить, что влияем на мир, и что события не являются следствием универсальности мира, что видим в них произвол. В реальности - мы не можем влиять на мир в нужном нам направлении, мы не можем знать этих направлений, мы погружены в хаос индивидуальных волевых импульсов.

Нет - прошедшего прошлого, и несвершившегося еще будущего. Есть - становящееся прошлым, и становящееся будущим. А грань – это мое сознание, выделяющее и делящее становящуюся Реальность по своему умыслу. Размышляя о прошлом и будущем, будто они становятся сейчас, нам яснее тогда видна связь с настоящим Парадоксальным, волевым.

«... Примирение между добром и злом невозможно, как между огнем и льдом, которые вечно борются между собою и силою вселенной принуждены жить вместе. Бури в нравственном мире так же нужны, как и в природе: они очищают, они молодят духовную атмосферу; они развертывают дремлющие силы; они разрушают подлежащее разрушению и придают вечно-живому новый неувядаемый блеск. В бурю легче дышится; только в борьбе узнаешь, на что человек способен, - и поистине такая буря нужна теперешнему миру, который очень близок к тому, чтобы задохнуться в своем зачумленном воздухе. Я твердо убежден, что пережитое нами является только слабым началом того, что еще наступит и будет долго, долго продолжаться... Час этого, так называемого «цивилизованного мира» пробил; его теперешняя жизнь - не что иное, как последний смертельный бой, - за ним придет более молодой и прекрасный мир. Жаль только, что я его не увижу, борьба продлится долго и переживет нас…».

Отхлебнув вина, оставшийся один, погрузившись в печаль, Мишель вслушивался в музыку ветра и безоблачного синего океана, и словно над его головой Люцифер расправил свои крылья, и он теперь летел вместе с ним навстречу неведомому будущему. Ветер становления этого мира дул в лицо, для Бакунина звучала мелодия лютой его ненависти и святой воли, которая сильна своей любовью к свободе, - и слезы текли по пьяному лицу.